

Ответственность государства за действия, совершённые представителями власти вне исполнения служебных обязанностей

Айшегюль Узун-Маринкович, Аида Гргич*

Согласно статье 1 Европейской Конвенции по правам человека, государства-участники принимают на себя обязательства обеспечить всем находящимся под их юрисдикцией лицам права и свободы, гарантированные Конвенцией. В широком понимании это значит, что государство не только обязано воздерживаться от вмешательства в реализацию прав и свобод, гарантированных Конвенцией (негативные обязательства), но и предпринимать адекватные шаги для обеспечения соблюдения этих прав и свобод на своей территории (позитивные обязательства). Согласно прецедентному праву Европейского Суда по правам человека, в случае, когда государство не соблюдает одно из этих обязательств, оно несёт за это ответственность. Однако степень ответственности государства, согласно Конвенции, в немалой степени зависит от сущности и объёма его обязательств по конкретной статье, а также от того, возникло ли нарушение Конвенции вследствие действий или бездействия представителей властей или частных лиц. В данной статье мы стремимся рассмотреть сущность и объём ответственности государства за телесные повреждения и лишение жизни, возникшие в результате действий представителей власти вне рамок их официальных обязанностей. Мы обращаем особое внимание на дела, рассмотренные Европейским Судом согласно статьям 2 и 3 Конвенции, которые гарантируют, соответственно, право на жизнь и право не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижительному отношению.

→ *Европейский Суд по правам человека; ответственность государства; применение силы; представители власти; применение оружия; право на жизнь; позитивные обязательства*

DOI: 10.21128/2226-2059-2016-4-77-83

1. Введение

В соответствии со сложившимся прецедентным правом при исполнении Европейской Конвенции по правам человека (*далее* — Конвенция) ответственность государства на-

ступает в случае, если нарушение одного из прав или свобод, гарантированных Конвенцией, является результатом несоблюдения этими государствами своих обязательств по статье 1 Конвенции, а именно обеспечивать эти права и свободы каждому, находящемуся под их юрисдикцией¹. В связи с этим Европейский Суд по правам человека (*далее* — Суд) неоднократно принимал постановления о том, что государство не может устраниваться от ответственности *ratione personae*, пере-

* Узун-Маринкович Айшегюль (*Uzun Marinković Aysegül*), Гргич Аида (*Grgić Aida*) — юристы Секретариата Европейского Суда по правам человека (e-mails: *Aysegul.Uzun@echr.coe.int*; *Aida.Grgic@echr.coe.int*). Статья представляет собой дополненную для журнала версию текста, опубликованного авторами в издании: *The Right to Life under Article 2 of the European Convention of Human Rights: In honour of Michael O'Boyle / ed. by L. Early, A. Austin*. Oisterwijk : Wolf Legal Publishers, 2016. Исследование представляет исключительно точку зрения авторов и не обязательно отражает позицию учреждения, сотрудниками которого они являются. Перевод с английского *Сичинавы Дмитрия Владимировича*.

¹ См., в частности: *European Court of Human Rights (далее — ECtHR). Wos v. Poland* (dec.). Application no.22860/02. Judgment of 8 June 2006, § 60. ECtHR 2005—IV. Все дела и судебные решения, ссылки на которые присутствуют в данном исследовании, были рассмотрены и, соответственно, приняты ЕСПЧ.

доверив свои обязательства частным организациям или лицам². В общих чертах это значит, что государство обязано не вмешиваться в осуществление гарантированных прав и свобод (негативное обязательство) и, напротив, принимать адекватные меры для гарантии соблюдения этих прав и свобод на своей территории (позитивное обязательство)³. Однако, согласно Конвенции, степень ответственности государства по отношению к обратившемуся в Суд заявителю в значительной степени зависит от сути и объёма его обязательств по конкретной статье Конвенции и того, произошло ли предполагаемое нарушение в результате действий или бездействия должностных лиц государства или частных лиц.

Статья 2 Конвенции в своих содержательных положениях, в сущности, содержит две фундаментальные основные части: во-первых, общее обязательство охранять по закону право на жизнь и, во-вторых, запрет на преднамеренное лишение жизни, кроме случаев, перечисленных в исчерпывающем списке исключений⁴. В нормальном случае любое наносящее вред действие, подпадающее под сферу действия статьи 2 Конвенции и совершённое государственными должностными лицами при осуществлении полномочий, в том числе в обстоятельствах, когда они действуют *ultra vires* или вопреки инструкции, влечет прямую ответственность государства. В таких случаях Суд обычно рассматривает дело, применяя второй параграф статьи 2 Конвенции, с целью установления, является ли сила, применённая должностными лицами в конкретных обстоятельствах, не более чем «абсолютно необходимой» для достижения одной из целей, перечисленных в подпунктах (а), (б) и (в). В связи с этим надо подчеркнуть, что при применении летальной силы в рамках выполняемой властями «полицейской операции» часто бывает трудно отделить негативные обязательства государства,

возникающие по Конвенции, от позитивных⁵. Тем не менее основные принципы рассмотрения дела по статье 2 Конвенции по-прежнему следует стандартам, установленным в важнейшем деле *McCann*⁶.

Может возникнуть вопрос о содержании и объёме ответственности государства за причинение телесных повреждений и лишение жизни, совершённые должностными лицами государства, вне контекста применения силы при исполнении должностных обязанностей. В данной краткой статье мы стремимся дать ответ на этот вопрос на основании дел, рассмотренных согласно статьям 2 и 3 Конвенции, принципы которых в целом одинаковы.

2. Примеры из практики Европейского Суда

Прежде всего, оказывается, что вопрос о том, находится ли некое должностное лицо данного государства при исполнении должностных обязанностей или нет в момент, когда происходят события, являющиеся поводом для жалобы, согласно содержательной части статьи 2 Конвенции, не является определяющим при оценке Судом типа ответственности государства. В целом ряде случаев, в которых должностное лицо, находясь не при исполнении служебных обязанностей, нанесло ранение или лишило жизни иное лицо в контексте, который можно было бы считать связанным с его работой, Суд счёл государство-ответчика непосредственно виновным в произошедшем в той же степени, как если бы агент государства был при исполнении служебных обязанностей. Примером может служить, например, дело *Giuliani and Gaggio v. Italy*⁷, где во время жёстких стычек между демонстрантами и силами безопасности во время саммита «Большой восьмёрки» в Генуе родственник истцов был застрелен карабинером, которому было предписано покинуть пост из-за того, что он подвергся воздействию слезоточивого газа и в

² См.: *Costello-Roberts v. the United Kingdom*. Application no. 247—C. Judgment of 25 March 1993, Series A, § 26–28; *Storck v. Germany*. Application no. 61603/00. Judgment of 16 June 2005, § 103. ECtHR 2005—V.

³ См.: *Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia* [GC]. Application no. 48787/99. Judgment of 8 July 2004, § 313. ECtHR 2004—VII.

⁴ См.: *Boso v. Italy*, (dec.). Application no. 50490/99. Judgment of 5 September 2002.

⁵ См.: *Finogenov and Others v. Russia*. Application nos. 18299/03 and 27311/03. Judgment of 20 December 2011, § 208. ECtHR 2011 (extracts).

⁶ См.: *McCann and Others v. the United Kingdom*. Application no. 324. Judgment of 27 September 1995, Series A, § 193.

⁷ *Giuliani and Gaggio v. Italy* [GC]. Application no. 23458/02. Judgment of 24 March 2011.

силу этого не мог исполнять служебные обязанности. Другим недавним примером стало дело *Haász and Szabó v. Hungary*⁸, в котором истцы были ранены полицейским вне исполнения тем своих обязанностей в ситуации, которая впоследствии оказалась печальным недоразумением. Оценивая в подобных случаях суть и объём обязательств государства, Суд, как представляется, не различает применение силы агентами при исполнении и вне исполнения служебных обязанностей. Действительно, при оценке содержания и объёма ответственности государства никаких особых последствий с этим фактом не связывается⁹.

Сходный подход различим и в дознании Суда согласно статье 3 Конвенции. Например, в деле *Durdević v. Croatia*¹⁰ заявители утверждали, что были избиты двумя полицейскими в штатском, которые на момент событий находились не при исполнении служебных обязанностей. Суд, приняв показания истцов, согласно которым подозреваемые идентифицировали себя как полицейские своими возгласами «Стойте! Полиция!», счёл, что инцидент можно рассматривать как возможное насилие со стороны полиции. В итоге, однако, Суд не нашёл нарушения статьи 3 Конвенции в её содержательной части, не имея возможности установить при отсутствии обоснованных оснований для сомнения, применяли ли полицейские силу к заявителям и были ли телесные повреждения, ими полученные, действительно результатом полицейского насилия.

Однако если представитель власти нанесёт ранение некоторому частному лицу или лишит его жизни в ситуации, когда это событие нельзя считать связанным с исполнением обязанностей данным представителем власти, нельзя утверждать, что государство несет прямую ответственность за данное событие. Например, в деле *Enukidze and Girgoliani v. Geor-*

*gia*¹¹ заявители утверждали, что их сын был похищен, избит и убит группой высокопоставленных чиновников министерства внутренних дел. Суд принял решение, согласно которому, даже если признать, что сын заявителей умер от руки этих представителей власти, те не действовали в качестве исполнителей своих служебных обязанностей. Напротив, Суд отметил, что, согласно обстоятельствам дела, установленным национальным судом, преступление произошло в контексте частного события — празднования дня рождения их общего друга. Преступники не участвовали в какой бы то ни было запланированной полицейской операции или в спонтанной погоне. Более того, не было никаких доказательств, приводящих к выводу о том, что убийство сына заявителей лицами, непосредственно совершившими это преступление, было произведено по приказу представителей начальствующего состава МВД, которые присутствовали в том же ресторане. Деяние носило настолько откровенно противоправный характер и было настолько далеко от официального статуса совершивших его лиц, что, согласно аргументации Суда, подобное поведение никак не могло повлечь за собой ответственности государства. Соответственно, Суд ограничился установлением нарушения процессуальной части статьи 2 Конвенции, указав на серьёзные недостатки в расследовании смерти жертвы.

Пример этого подхода согласно статье 3 можно найти и в деле *Çelik v. Turkey (no. 2)*¹², где во время волнений среди публики у здания турецкого суда после вынесения приговора, в котором шестеро полицейских были признаны виновными в пытках и убийстве задержанного, был ранен адвокат. Значительная часть публики перед зданием суда состояла из находящихся вне исполнения обязанностей полицейских в штатском, журналистов, представителей различных ассоциаций и родственников жертвы. Служба безопасности быстро вмешалась и пресекла инцидент. Истец обратился с жалобой согласно статье 3 Конвенции на недолжное обращение со стороны сил безопасности, вклю-

⁸ *Haász and Szabó v. Hungary*. Application nos. 11327/14 and 11613/14. Judgment of 13 October 2015.

⁹ *Makaratzis v. Greece* [GC]. Application no. 50385/99. Judgment of 20 December 2004, ECHR 2004–XI. Согласно фабуле дела истец получил опасные для жизни ранения, когда в ходе погони с участием нескольких полицейских, многие из которых не находились при исполнении служебных обязанностей, был открыт огонь по машине, которой управлял заявитель.

¹⁰ *Durdević v. Croatia*. Application no. 52442/09. Judgment of 28 June 2011.

¹¹ *Enukidze and Girgoliani v. Georgia*. Application no. 25091/07. Judgment of 26 April 2011.

¹² *Çelik v. Turkey (no. 2)*. Application no. 39326/02. Judgment of 27 May 2010.

чая полицейских, присутствовавших на судебном слушании вне рамок должностных обязанностей. Правительство утверждало, что государство не может нести ответственность за деяния, совершённые полицейскими не при исполнении обязанностей. Суд не нашёл доказательств, согласно которым истец подвергся недолжному обращению со стороны полицейских, которые несли службу у здания суда. Что же касается поведения полицейских, не несших службы, то Суд в Страсбурге подчеркнул, что когда те, как утверждается, избили истца, они действовали в качестве частных лиц. В силу этого никакой прямой ответственности на государство согласно Конвенции за их действия как частных лиц возложить нельзя. Рассматривая позитивное обязательство государства, Суд изучил различные меры, предпринятые властями до инцидента, общий контекст и тяжесть телесных повреждений, а также тот факт, что силы безопасности, как представляется, после начала драки немедленно вмешались. Таким образом Суд счёл, что нарушение статьи 3 места не имело.

В делах этого типа ответственность государства согласно Конвенции, как представляется, ограничена его позитивными обязательствами. Например, в деле *Gorovenky and Bugara v. Ukraine*¹³ родственники истцов были убиты после ссоры с находящимся не при исполнении служебных обязанностей полицейским, который открыл огонь из служебного оружия, по-видимому, всегда находившегося при нём. Полицейский был ранее замечен в злоупотреблении алкоголем, в нарушении дисциплины и насилии. Дело было рассмотрено в соответствии с позитивными обязательствами государства защищать жизнь граждан, поскольку полицейский в момент, когда он открыл огонь, не находился при исполнении служебных обязанностей и не участвовал в запланированной полицейской операции или спонтанной погоне. Суд в этом отношении подчеркнул, что преступное деяние, совершённое полицейским в качестве частного лица, не может повлечь ответственности государства лишь потому, что преступник был представителем власти. Что касается оценки выполнения государством позитив-

ных обязательств защиты жизни, украинские власти признали, что начальство этого полицейского не смогло должным образом оценить его личность и позволило ему иметь при себе оружие, несмотря на предыдущие тревожные инциденты. Более того, национальное законодательство прямо запрещало выдавать оружие сотрудникам полиции, не имеющим адекватных условий для безопасного его хранения, из-за чего они могли бы носить его с собой постоянно, даже не находясь при исполнении обязанностей. Суд повторил, что от государств требуется устанавливать и поддерживать в правоохранительных системах высокий профессиональный стандарт и обеспечивать соответствие лиц, служащих в этих системах, требуемым критериям. В частности, выдавая полицейским оружие, государство должно не только гарантировать, что эти полицейские имеют нужные технические навыки и знания, чтобы иметь оружие, но и что список сотрудников, которым разрешается его ношение, проверяется особенно тщательно. Таким образом, в деле по жалобе заявителей было двойное нарушение: полицейскому выдали оружие в нарушение внутреннего законодательства, а его личные качества не были должным образом оценены в свете его предыдущих дисциплинарных нарушений.

Тем не менее в случае, когда представитель власти пользовался своим положением, а со стороны властей по меньшей мере проявлялось попустительское или молчаливое согласие с его действиями, Суд усматривает прямую ответственность государства, даже если причинение вреда представителем власти, на первый взгляд, выглядело как совершённое им в качестве частного лица.

Отличной иллюстрацией этого принципа служит дело *Auşar v. Turkey*¹⁴. В этом деле деревенские охранники (деревенские охранники — силовая организация в Турции в конфликтных юго-восточных районах, населённых курдами; состоит из курдов, лояльных турецким властям. — *Прим. перев.*) и сотрудник службы безопасности увели брата заявителя из его лавки в участок и потом убили. Правительство утверждало, что не может нести ответственность за инкриминируемое

¹³ *Gorovenky and Bugara v. Ukraine*. Application nos. 36146/05 and 42418/05. Judgment of 12 January 2012.

¹⁴ *Auşar v. Turkey*. Application no. 25657/94. Judgment of 10 July 2001.

убийство, поскольку не было доказано, что охранники и сотрудник безопасности совершили убийство по указанию или наущению властей, и, в действительности, те, якобы, действовали как частные лица. Однако Суд отметил, что местная жандармерия не отреагировала на незаконные действия похитителей, беспрепятственно доставивших жертву в жандармерию и потом выведших её оттуда без составления протокола или выполнения формальностей, необходимых при задержании. Более того, охранники и сотрудник безопасности занимали официальные должности и имели вид действующих представителей власти, когда принудили жертву пойти с ними. В этих условиях Суд счёл правительство ответственным за гибель брата заявителя. Учитывая, *inter alia*, отсутствие каких-либо гарантий против умышленного или неумышленного злоупотребления властью со стороны деревенских охранников, действующих либо по своей инициативе, либо по незаконным инструкциям их начальства из службы безопасности, Суд счёл государство прямо ответственным за смерть брата заявителя.

Суд применил аналогичный подход и в делах *Acar and Others v. Turkey*¹⁵ и *Seyfettin Acar and Others v. Turkey*¹⁶, в которых речь шла о ранении двух лиц и убийстве родственников других лиц деревенскими охранниками, открывшими по ним огонь. В обоих случаях Суд счёл, что отсутствие реакции жандармов на различные незаконные действия деревенских охранников (включая помощь им в сокрытии следа и воспрепятствовании официальному расследованию событий) поддерживает мысль об осуществлении этих действий с молчаливого согласия властей.

Беспрецедентная ситуация возникла в деле *Sašo Gorgiev v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*¹⁷, в фабуле которого полицейский резервист, самовольно покинувший пост во время ночного дежурства, нанёс огнестрельное ранение официанту соседнего бара. Полицейский резервист был осуждён за серьёзные преступления против безопас-

ности и получил условный тюремный срок, но гражданский иск против государства был отклонён, поскольку полицейский не осуществлял никакие официальные полномочия в момент инцидента. Определяя, может ли тем не менее быть государство прямо ответственным за незаконные действия представителя властей при исполнении должностных обязанностей, но не действовавшим как официальное лицо, Суд счёл, что должен рассмотреть всю совокупность обстоятельств и оценить суть и обстоятельства конфликта. Инцидент произошёл во время рабочих часов резервиста, когда он должен был быть на дежурстве в полицейском участке. Хотя не подлежало сомнению, что он покинул пост самовольно и в состоянии алкогольного опьянения, он был в форме и стрелял в заявителя из служебного оружия. И хотя власти объективно не могли предвидеть его поведения, государство было обязано внедрять и тщательно применять систему адекватных и эффективных гарантий против того, чтобы представители власти, особенно временно мобилизованные резервисты, злоупотребляли оружием, доверенным им при исполнении ими служебных обязанностей. Суд отметил, что национальное право требовало от представителей власти выполнять свои обязанности «всё время — при исполнении и вне их», что на практике означало, что служебное оружие надо было носить постоянно. Правительство не давало никаких указаний насчёт того, проводилась ли оценка пригодности этого резервиста для службы в полиции и обладания оружием, хотя это следовало бы тщательно расследовать отдельно. В свете этих обстоятельств действия полицейского резервиста в этом конкретном деле были вменены государству-ответчику, и Суд нашёл, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

Представляется, что подход, принятый в деле *Sašo Gorgiev*, был вдохновлен позицией судей Кабрала Баррету, Йочиене и Поповича, написавших особые мнения в деле *Enukidze and Girgoliani* (о котором уже говорилось ранее), поскольку было решено, что действия полицейского резервиста следовало вменить государству-ответчику. Однако эта аргументация сама по себе не противоречит обычному подходу Суда, так как рассматривает дело с точки зрения позитивных обязательств государства.

¹⁵ *Acar and Others v. Turkey*. Application nos. 36088/97 and 38417/97. Judgment of 24 May 2005.

¹⁶ *Seyfettin Acar and Others v. Turkey*. Application no. 30742/03. Judgment of 6 October 2009.

¹⁷ *Sašo Gorgiev v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*. Application no. 49382/06. Judgment of 19 April 2012, ECtHR 2012 (extracts).

Недавно в деле *Reilly v. Ireland*¹⁸, в котором истец представил жалобу по статье 3 Конвенции, что был жертвой сексуальных домогательств со стороны своего армейского командира в звании старшего сержанта, Суд имел возможность прояснить свою практику о причинении телесных повреждений и убийствах, совершённых представителями власти вне контекста исполнения должностных обязанностей. Кроме того, он счёл, что вопрос о том, следует ли вменять инкриминируемые действия государству в случаях, когда поведение представителя властей было незаконным, зависит от совокупности обстоятельств и рассмотрения сути и последствий обсуждаемого поведения¹⁹.

Рассматривая вопрос о том, могли бы быть вменены государству инкриминируемые деяния в деле *Reilly*, Суд учёл, что недолжное поведение сослуживца по отношению к заявителю носило характер сексуального злоупотребления и поэтому никак не связано с каким бы то ни было исполнением должностных обязанностей военнослужащего. Кроме того, Суд отметил, что военные власти оставались в неведении относительно складывавшейся ситуации и узнали о ней лишь через несколько лет после того, как заявитель оставил службу в армии, и тем самым военное командование было невозможно подозревать в попустительстве или молчаливом согласии. Далее, несмотря на подчинённое положение по отношению к виновнику, заявитель не был особенно уязвим, по сравнению, например, с юношей, несущим воинскую повинность; ему была также доступна система возмещения вреда. Тем самым Суд счёл, что государство не несёт прямой ответственности за действия упомянутого старшего сержанта. Что касается позитивных обязательств государства, то, *inter alia*, при отсутствии какой бы то ни было формальной жалобы заявителя вплоть до гораздо более позднего времени, Суд удовлетворился тем фактом, что начальство не знало и не должно было знать о развратных действиях со стороны непосредственного командира, и что тем самым со стороны государства непредоставление защиты от дурного обращения не име-

ло места. Дело в конечном счёте не было принято Судом к рассмотрению по существу.

Отчётливой иллюстрацией применения вышеупомянутых принципов может служить дело *Kotelnikov v. Russia*²⁰, в котором истец, получивший несколько травм, жаловался на недостатки расследования дорожно-транспортного происшествия, виновником которого был полицейский, находившийся при исполнении служебных обязанностей. Чтобы установить рамки обязательств государства, Суд должен был сначала решить, действовал ли этот полицейский как представитель власти, когда инцидент произошёл. Суд отметил, что происшествие произошло, когда полицейский не был при исполнении своих служебных обязанностей и ехал за рулём своей частной машины по личным делам, не выполняя при этом никаких связанных со службой функций. Далее Суд отметил, что полицейский не использовал никаких специальных полномочий, оружия, устройств или информации, предоставленных ему в связи с его должностью. Тем самым Суд заключил, что данный полицейский действовал как обычное частное лицо²¹. К тому же инцидент был простым несчастным случаем, а не осознанным актом; и этого вывода хватило, чтобы определить, что общие принципы, применимые к данному делу, касаются уместных для оценки с точки зрения положительных обязательств государства в случае неосторожного поведения частных лиц²². В конечном счёте Суд решил, что государство не справилось с процедурными обязательствами, вытекающими из статьи 2 Конвенции, поскольку процедурный формат, в котором по данному уголовному делу вёлся процесс, компрометировал эффективность национального правового процесса в целом.

3. Заключение

Из этого краткого обзора релевантных прецедентов следует, что государства, в прин-

¹⁸ *Reilly v. Ireland* (dec.). Application no. 51083/09. Judgment of 23 September 2014.

¹⁹ *Ibid.* § 53.

²⁰ *Kotelnikov v. Russia*. Application no. 45104/05. Judgment of 12 July 2016.

²¹ См. также: *Basenko v. Ukraine*. Application no. 24213/08. Judgment of 26 November 2015. В этом деле Суд счёл государство-ответчика прямо ответственным за дурное обращение с заявителем со стороны контролёра на транспорте, поскольку тот действовал, исполняя свои обязанности, а не как частное лицо.

²² См.: *Kotelnikov v. Russia*, § 94, 95, 99.

ципе, не несут прямой ответственности за любое убийство или причинение телесных повреждений, совершённых представителями власти в качестве частных лиц, если только эти представители не пользуются своим положением в момент совершения незаконных действий или, по крайней мере, при попустительстве или молчаливом согласии властей, независимо от того, находился ли этот представитель власти в данный момент при исполнении служебных обязанностей или же нет. Это можно оценить только путём исследования всей совокупности обстоятельств и рассматривая суть и обстоятельства данного поведения. Однако отсутствие прямой ответственности не означает, что государство нельзя привлечь к ответственности за нарушение прав истцов согласно Конвенции. Позитивное обязательство государства защищать жизнь остаётся предметом рассмотрения Суда, причём объём этого обязательства может отличаться от случаев применения насилия частными лицами, особенно в случае, когда незаконное деяние представителя власти было совершено при помощи служебного оружия, как в некоторых из рассмотренных выше дел²³.

Библиографическое описание:

Узун-Маринкович А., Гргич А. Ответственность государства за деяния, совершённые представителями власти вне исполнения служебных обязанностей // Международное правосудие. 2016. № 4 (20). С. 77–83.

State responsibility for injuries and killings perpetrated by State agents other than by the use of force in the performance of their duties

Ayşegül Uzun-Marinković

Lawyer at the Registry of the European Court of Human Rights (e-mail: Aysegul.Uzun@echr.coe.int).

Aida Grgić

Lawyer at the Registry of the European Court of Human Rights (e-mail: Aida.Grgic@echr.coe.int).

Abstract

Under Article 1 of the European Convention on Human Rights, Contracting States are under an obligation to secure the rights and freedoms guaranteed by the Convention to everyone within their jurisdiction. In broad terms, this means that the State has the duty to refrain from interfering with the enjoyment of the rights and freedoms guaranteed under the Convention (negative obligation), but also to take appropriate steps to ensure respect for those rights and freedoms within its territory (positive obligation). According to the well-established case-law of the European Court of Human Rights, if a State fails to observe either its duty to safeguard the rights and freedoms guaranteed by the Convention or those obligations, its responsibility under the Convention shall be engaged. However, the extent of a State's responsibility under the Convention shall principally depend on the nature and the scope of its obligations under a particular Article and on whether the alleged violation occurred as a result of acts or omissions of State agents or private persons. This paper aims to explore the nature and scope of State responsibility for injuries and killings perpetrated by State agents acting outside the usual context of force used in the performance of their official duties. The survey focuses on cases examined by the European Court of Human Rights under Articles 2 and 3 of the Convention, which respectively guarantee the right to life and the right not to be subject to torture, inhuman or degrading treatment or punishment, and the principles of which are broadly the same.

Keywords

European Court of Human Rights; state responsibility; use of force; state agents; right to life; positive obligations.

Citation

Uzun-Marinković A., Grgić A. (2016) Otvetstvennost' gosudarstva za deyaniya, sovershonnnye predstavitel'yami vlasti vne ispolneniya sluzhebnykh obyazannostey [State responsibility for injuries and killings perpetrated by State agents other than in the performance of their duties]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 77–83. (In Russian).

²³ См. вышеназванные дела: *Gorovenky and Bugara v. Ukraine* и *Sašo Gorgiev v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*.